

**Философия науки в поисках
трансдисциплинарного синтеза**

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-93-111

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Наука как ценность в обществе риска

А.И. Зеленков

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация

В статье проблема взаимосвязи науки и сферы ценностей культуры рассмотрена в двух взаимно скоррелированных аспектах. Во-первых, раскрывается амбивалентный статус науки как важнейшего социального института в современном динамично трансформирующемся обществе, которое в соответствии с популярной метафорой У. Бека все чаще называют «обществом риска». Во-вторых, проблема социокультурной детерминации научного познания интерпретируется как проблема аксиологии науки. При этом взаимосвязь социальных и внутринаучных (когнитивных) ценностей рассмотрена через призму возможных форм и механизмов их философско-методологической репрезентации. Показана специфика предпосылочного знания и такой его формы, как метатеоретические основания научного исследования. Амбивалентный характер ценностного статуса науки в условиях смены социокультурных приоритетов индустриальной цивилизации раскрывается в статье на фоне краткой реконструкции основных идей концепции «рефлексивной модернизации» У. Бека, теории рискогенной природы развития науки и высоких технологий Г. Бехманна, идеи З. Баумана о социокультурном дисбалансе как о сущностной характеристике «индивидуализированного общества». Специфика ценностной детерминации научного познания представлена в контексте обоснования социокогнитивного подхода как важнейшего результата в философско-методологических исследованиях науки в XX веке. В рамках этого подхода выделены две альтернативные стратегии использования социальных и когнитивных ценностей в качестве специфических форм предпосылочного знания. Одна из стратегий ориентирована на разработку концептуальных оснований науки и рационально обоснованных метатеоретических структур (В.С. Степин). Вторая стратегия отдает предпочтение неконцептуальным (доконцептуальным) формам предпосылочного знания как продуктивным метафорам, выполняющим функции методологической эвристики и инте-

грации научных знаний в культуру эпохи (М. Фуко, Л. Лаудан и др.). В статье делается вывод о своеобразной бифункциональности сферы ценностей культуры по отношению к науке. С одной стороны, наука является фундаментальной ценностью в современной культуре, хотя ее влияние на социальную жизнь неоднозначно. С другой стороны, доминантные ценности общества риска активно влияют на формирование нового образа науки и ее методологического инструментария.

Ключевые слова: наука, ценность, социальные и внутринаучные (когнитивные) ценности, ценностная амбивалентность науки, аксиология науки, метатеоретические основания научного исследования.

Зеленков Анатолий Изотович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

zelenkov-antl@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

Для цитирования: *Зеленков А.И.* Наука как ценность в обществе риска // *Философские науки.* 2021. Т. 64. № 5. С. 93–111.
DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-93-111

Science as a Value of Risk Society

A.I. Zelenkov

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

In the article, the issue of the relationship between science and the sphere of cultural values is considered in two mutually correlated aspects. Firstly, it reveals the ambivalent status of science as the most important social institution in a modern dynamically transforming society, which, in accordance with the very popular metaphor of U. Beck, is increasingly called the “risk society.” Secondly, the problem of sociocultural determination of scientific knowledge is interpreted as a problem of the axiology of science. At the same time, the relationship between social and intrascientific (cognitive) values is examined through the prism of possible forms and mechanisms of their philosophical and methodological representation. The author examines the specificity of pre-requisite knowledge, especially in the form of the metatheoretical foundations of scientific research. The article reveals the ambivalent nature of the value status of science in the context of changing socio-cultural priorities of the industrial civilization, against the background of a brief reconstruction of the main ideas of U. Beck’s concept of reflexive

modernization, the theory of risk-generating development of science and high technologies by G. Bechmann, Z. Bauman's idea about sociocultural imbalance as an essential characteristic of "individualized society." The specificity of the value determination of scientific knowledge is considered in the context of substantiating the sociocognitive approach as the most important result of the philosophical and methodological research in the 20th century. Within the framework of this approach, two alternative strategies are distinguished, for using social and cognitive values as specific forms of prerequisite knowledge. One of the strategies is focused on development of conceptual foundations of science and rationally grounded metatheoretical structures (V.S. Stepin). The second strategy gives preference to non-conceptual (pre-conceptual) forms of background knowledge as productive metaphors that perform the functions of methodological heuristics and the integration of scientific knowledge into culture (M. Foucault, L. Laudan, et al.). The article concludes that there is the peculiar bifunctionality of the cultural value in relation to science. On the one hand, science itself is a fundamental value in modern culture, although its impact on social life is ambivalent. On the other hand, the dominant values of risk society influence the formation of a new image of science and its methodological tools.

Key words: science, value, social and intrascientific (cognitive) values, value ambivalence of science, axiology of science, metatheoretical foundations of scientific research.

Anatoly I. Zelenkov – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University

zelenkov-antl@yandex.by

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

For citation: Zelenkov A.I. (2021) Science as a Value of Risk Society. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 93–111. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-93-111

Введение

В исследованиях науки как доминантного компонента культуры эпохи постсовременности акцент на анализе ее ценностной природы, различных форм взаимосвязи науки и сферы социальных ценностей сегодня особенно актуален и значим. Действительно, в условиях формирования базовых установок постиндустриального стиля жизни наука не только приобретает статус преобладающей формы познания, но и становится одной из доминирующих социальных ценностей.

Область взаимосвязи науки и сферы ценностей культуры обширна и многомерна. Для того, чтобы обозначить некоторые принципиально важные контексты этих многогранных связей и взаимодействий, укажем лишь на две проблемы, которые обоснованно претендуют на статус актуальных в современной философии науки: 1) ценностный статус науки как социального института в современном трансформирующемся обществе; 2) возможности методологической репрезентации социальных и внутринаучных ценностей.

Как известно, наука в ее специфической функции – продуцировать новые программы объяснения и преобразования природной и социальной реальности – утверждается в новоевропейской культуре. Уже с первых этапов своей институализации в этом важнейшем предназначении она обретает особый аксиологический статус. В научном сообществе утверждается мнение о ценностной нейтральности науки как особого социального института. В этом смысле она провозглашает лозунг беспристрастности и объективности при исследовании природы в противоположность рефлексивным формам культуры и познания. Наука как бы дистанцируется от философии, морали, религии с их интенцией выразить ценностные устремления человека в акцентированно рефлексивных формах миропонимания. Основой эпистемологического идеала науки становится истина как универсальный регулятив познавательной деятельности с его требованиями обязательной элиминации из научного знания всего того, что связано с субъектом и формами его духовно-чувственного опыта. Но, как справедливо отметил выдающийся немецкий ученый М. Борн, такой идеализированный образ науки был подобен прекрасному сну, иллюзии которого развеялись с наступлением новой индустриальной эпохи и глобальных научных революций.

Амбивалентный статус науки в современном трансформирующемся обществе

Наступившая индустриальная эпоха утверждает практику фронтального внедрения новых научных знаний в структуру промышленного производства и социальных технологий в качестве универсального средства решения основных проблем социодинамики. Естественно, эта практика радикально не согласуется с тезисом о ценностной нейтральности науки. Напротив, она ста-

новится социально востребованной, а оценка ее социокультурной роли – устойчиво позитивной.

Однако базирующаяся на перманентной научно-технической экспансии индустриальная цивилизация к середине XX столетия вступила в фазу системной дисфункции основных ее компонентов. К этому периоду отчетливо обозначились границы и пределы социодинамики индустриального типа, сформировались и рельефно заявили о себе глобальные проблемы современности. Возникает и формируется постиндустриальное общество, которое все чаще позиционирует себя в качестве своеобразной цивилизационной альтернативы техногенным обществам. Роль науки и ее ценностные квалификации в культуре современных обществ утрачивают былую однозначность и все чаще характеризуются очевидной амбивалентностью. Такая переоценка ценностей становится атрибутивной для эпохи постсовременности, которую в соответствии с популярной метафорой У. Бека все чаще называют «обществом риска».

В предисловии к своей книге «Общество риска. На пути к другому модерну», ставшей бестселлером, У. Бек пишет: «В основе книги лежит предположение, что мы являемся свидетелями <...> разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания <...> “общества риска”» [Бек 2000, 4].

В этом «обществе риска», согласно удручающе реалистичной позиции немецкого социолога, «возникает новая “аскриптивная” разновидность чреватой грозными опасностями судьбы, от которой не уйти при всем старании» [Бек 2000, 1]. Угрозы и опасности становятся неотъемлемыми спутниками нашей обыденной жизни. Они путешествуют с ветром и по воде, свидетельствуют о том, что обобществление природы, ее покорение силами науки и человеческого интеллекта возвращаются к нам неотвратимым бумерангом Чернобыльской катастрофы. Не только природные катаклизмы, но и «опасные общественные метаморфозы» выступают в качестве постоянных спутников жизни в обществе риска. Неслучайно Бек утверждает следующее: «В глобальности заражения... повседневные нормы жизни ставятся с ног на голову. Рушатся рынки. В условиях изобилия царит дефицит. Возникают массовые претензии. Правовые системы не справляются с фактами. Самые животрепещущие вопросы наталкиваются на недоуменное пожимание плечами. Медицинское обслуживание

оказывается несостоятельным. Рушатся научные системы рационализации. Шатаются правительства. Избиратели отказывают им в доверии. И все это при том, что грозящая людям опасность не имеет ничего общего с их действиями, наносимый им ущерб – с их трудом, а окружающая действительность в нашем восприятии остается неизменной» [Бек 2000, 3].

Поскольку именно наука и базирующиеся на ней технологии служат реальными инструментами интенсивной экспансии человека в окружающую его природную и социальную среду, в культуре современных западных обществ формируется устойчивый антисциентистский синдром. Неудивительно, что, столкнувшись с проблемами, о которых упоминает У. Бек, интеллектуальная элита общества риска испытывает своего рода психологический шок, подвергает принципиальному сомнению возможность науки быть гарантом социального прогресса и всеобщего процветания. Спектр форм и жанров этой критической рефлексии по отношению к науке широк. Это – антропологически ориентированные версии антисциентизма, в которых обосновывается мысль о принципиальной невозможности постичь феномен человеческого существования средствами научно-рационального познания. Это – и абстрактно-гуманистические версии антисциентизма, провозглашающие возврат к утраченным в историческом процессе традиционным формам общения и природопользования. Это – и постмодернистская программа тотальной критики науки, развенчания принципа рациональности и социального конструктивизма.

Адепты антисциентизма не устают повторять, что в эпоху постсовременности наука осуществляет важнейшую функцию универсализации человека не столько в системе духовных сущностей, сколько в пространстве реальной жизни и социальной практики. В итоге она становится «инструментом контроля и регуляции системы на ходу, простирающимся вплоть до контроля самого знания, а это неизбежно приводит к террору» [Лиотар 1998, 14–20].

В своей книге, фиксируя социоприродные аномалии общества риска, У. Бек солидарен с рядом критических оценок и антисциентистских квалификаций современной науки, ее ролью в модернизирующихся обществах. Однако его позицию нельзя оценить как тождественную такому тотальному отрицанию науки, техники и перспектив модерна в обществе риска. Он отчетливо дистан-

цируется как от тех, кто в борьбе с напором «иррационального духа времени» придерживается предпосылок просветительского XX века, так и от тех, кто готов вместе с накопившимися аномалиями спустить в реку истории и весь проект модерна [Бек 2000, 5].

Собственную позицию он квалифицирует как проект «рефлексивной модернизации», в рамках которой индустриальное общество с его культом научно-технического прогресса, позитивной оценкой науки и научной рациональности не тождественно модерну как стратегии рационализации второй ступени, открывающей возможности перспективной эволюции общества риска. Именно такая интерпретация общества риска становится сегодня наиболее референтной и широко представленной в различных западных моделях современной социодинамики. Характерной в этом контексте является концепция немецкого исследователя Г. Бехманна. В частности, он пишет: «Понятие риска сделало головокружительную карьеру в области социальной теории» [Бехманн 2010, 74]. С его точки зрения, это вполне объяснимо поскольку современные общества, испытывающие на себе вызовы рефлексивной модернизации, постоянно сталкиваются с ситуациями опасностей и рисков. Во-первых, речь идет о рисках, связанных с интенсивным развитием высоких технологий, ставящих под сомнение традиционные формы человеческого общения и ценности культуры. Во-вторых, это – нарастание экологических проблем и трансформации их в глобальные угрозы изменения климата и нарушения устойчивости биосферы в целом. В-третьих, подразумевается риск как неотъемлемый элемент принятия решений в сфере безопасности международных отношений в условиях нарастания турбулентных тенденций глобализации.

Во всех этих ситуациях роль науки и наукоемких технологий оказывается не только имплицитно значимой, но и обнаруживающей свой социально-практический эффект. Это относится ко всем измерениям науки как феномена современной культуры и цивилизации: науке как специфическому типу познавательной деятельности и исследования; науке как знанию и особым образом структурированной информации; науке как социальному институту.

Происходят кардинальные изменения социокультурного статуса науки, поскольку она из дисциплинарно организованной формы познания природных и общественных процессов и явлений превращается в трансдисциплинарную деятельность, органично

соединяющую фундаментальные теоретические исследования и практику социальных технологических инноваций. Соответственно, проблема оценки роли и значения науки в новой ее ипостаси в обществе риска приобретает еще более выраженную актуальность и аксиологическую неоднозначность. Как и У. Бек, Г. Бехманн в ответе на этот вопрос придерживается академически выверенной позиции. С одной стороны, он не может не фиксировать принципиальную ограниченность дисциплинарно организованной науки в разрешении актуальных проблем общества риска. Более того, он однозначно соглашается с мнением, в соответствии с которым многие из указанных проблем возникают вследствие неумерной экспансии инструментального научного разума. Поэтому он констатирует, что наука сегодня играет все меньшую роль, поскольку в ее бесконечные возможности уже мало кто верит. Но, с другой стороны, ни одна значимая экономическая, политическая, социальная проблема не может быть решена и даже перспективно интерпретирована вне науки и рационально-теоретических методов их анализа. Правда, подтверждать свою состоятельность науке приходится уже в принципиально новых условиях [Бехманн 2010, 133]. Поэтому и оценка ее роли не может не быть амбивалентной.

Аналогичную позицию в оценке современной науки как важнейшего социального института постсовременного общества занимает и известный британский социолог З. Бауман. В работе «Индивидуализированное общество» он утверждает, что на рубеже XX–XXI веков ощущение кризиса становится почти повсеместным и всеобъемлющим. В экономике, этике, политике постоянно нарастает дисбаланс, и основные подсистемы социума болезненно реагируют на его возникновение. Для характеристики дисбаланса З. Бауман используют немецкий термин *Unsicherheit*, интерпретируя его как «комплексный дискомфорт, включающий в себя, помимо ощущения небезопасности, неуверенность и незащищенность» [Бауман 2002, 44]. Он в значительной степени солидарен с широко распространенным мнением о том, что именно современная наука, ориентированная на перманентный рост и технологические инновации, во многом ответственна за этот социокультурный дисбаланс.

Однако позицию радикального отрицания науки и научной рациональности как безусловной ценности в культуре постиндустриальных обществ З. Бауман принципиально отвергает. Он

заявляет, что кризис рационального сознания, неспособность действовать рационально и адекватно требованиям жизни становятся знаковым недугом эпохи позднего модерна и постмодерна [Бауман 2002, 43]. Презумпция реализма и ответственных оценок роли науки в успешном разрешении глобальных и локальных проблем современного общества должна стать доминирующей в среде западных интеллектуалов, философов и общественных деятелей. Роль знания и прежде всего рационально обоснованных, доказанных научных знаний становится беспрецедентно значимой в условиях нарастания социальной и природной нестабильности, вызовов и угроз, которые все более рельефно заявляют о себе в обществе риска.

Парадоксы социодинамики, природные и социальные аномалии, которые потрясают воображение современного человека, переводят проблему выбора между фронтальной критикой научного разума и обоснованием высоко престижного имиджа науки в разряд не просто теоретически актуальных, а жизненно важных проблем сохранения цивилизации. Нельзя не вспомнить утверждение Гегеля о том, что человеком и обществом правят, скорее, неразумие и недомыслие, а вовсе не разум и научная обоснованность. Это мудрое назидание классика философии и сегодня актуально. Действительно, востребованы не столько рассуждения о тоталитарной природе разума и репрессивной сущности науки, сколько идеи социального конструктивизма, базирующиеся на научно-рациональных технологиях и принципах системного анализа вызовов и противоречий, которыми богата современная эпоха. Именно такой позитивно-конструктивный акцент в обсуждении проблемы взаимосвязи науки и сферы социальных ценностей характерен для философско-методологических ее исследований, осуществляемых в парадигме аксиологической или социокультурной детерминации научного познания.

Уровни и механизмы ценностной детерминации научного исследования

Одним из значимых достижений в развитии философско-методологических исследований науки в XX столетии стало обоснование социокогнитивного подхода как перспективной стратегии современного науковедения. В рамках этой стратегии предложены различные версии идеи социокультурной детерминации научного познания. Одна из таких версий основана на

теории ценностей и языке аксиологии науки. В качестве базовой идеи принимается утверждение о том, что и процесс, и результат научно-познавательной деятельности в существенной степени зависят от историко-культурного контекста и доминантных ценностей культуры, в которой происходит личностная и профессиональная социализация ученого.

Конечно, при такой постановке вопроса следует определить сущность понятия доминантных ценностей и их место в системе ценностных оснований культуры в целом. В рамках аксиологии науки всю совокупность ценностей, как правило, разделяют на социальные ценности и внутринаучные ценности.

В культурном пространстве любого конкретно-исторического общества социальные ценности даны в формах политических, религиозных, эстетических, моральных или правовых взглядов и убеждений, которые характерны для большинства членов этого общества. Они влияют на выбор целей и приоритетов в деятельности общества в целом и его подсистем. Отношение к науке и нормам научной рациональности всегда составляло значимую часть аксиологического пространства культуры, оказывало непосредственное влияние на функционирование, развитие общества и базовых его институтов.

Внутринаучные ценности представляют собой совокупность нормативно-методологических предписаний и институциональных императивов, которые в значительной мере влияют на структурную архитектуру новых научных знаний и процесс научного исследования в аспекте выбора оптимальных средств и методов его осуществления. Данный тип ценностных ориентаций ученого нередко называют когнитивными ценностями, поскольку они определяют имманентные для науки установки и методологические нормативы в их относительной независимости от социального контекста и культурной детерминации. К ним, как правило, относят методологически референтные стандарты научной рациональности, модели объяснения и обоснования новых научных знаний, эталоны и образцы организации и структурного оформления научных теорий как закономерного итога научно-познавательной деятельности. Именно когнитивные ценности формируют тот аксиологический каркас науки, который ответственен за ее интересубъективный и общезначимый статус.

С выходом в свет работы Т. Куна «Структура научных революций» статус когнитивных ценностей провозглашен как принци-

ально значимый не только в практике научных исследований, но и в философии науки, а также в различных версиях ее исторических реконструкций. Неслучайно один из признанных авторитетов в данной области исследований Л. Лаудан отмечал «повсеместную роль когнитивных ценностей <...> в формировании научной рациональности» [Laudan 1984, xii].

Дифференциация аксиологического пространства науки на социальные и когнитивные ценности получила в современной философии и социологии науки широкое распространение, приобрела статус продуктивной идеи, позволившей конкретизировать механизмы взаимодействия общества и науки. Так, согласно Р. Уитли, многие из этих механизмов можно прояснить, если провести четкое разделение между когнитивной и социальной формами институализации науки. Уитли отмечает: «Когнитивная институализация имеет два основных связанных аспекта. Во-первых, это касается степени согласия по поводу ясности базовых формулировок, критериев актуальности проблемы, определения и приемлемости ее решения, а также используемых методов и понятийного инструментария. Во-вторых, она определяет деятельность ученого с точки зрения такого консенсуса... Социальная институализация также имеет два измерения: во-первых, это степень внутренней организации и определения границ, а во-вторых, степень интеграции в преобладающие социальные структуры легитимации и распределения ресурсов. Для естественных наук это второе измерение обычно относится к степени интеграции новых научных знаний в учебные программы и кафедры университетов» [Whitley 1974, 72].

Одна из актуальных проблем ценностного измерения современной науки связана с экспликацией форм и механизмов взаимодействия когнитивных и социальных ценностей. Важная роль в таком взаимодействии принадлежит предпосылочному знанию. По мнению Л.А. Микешиной, «в этом знании в логико-методологической форме должны быть отражены и зафиксированы все виды ценностных отношений самого процесса познания: от социально-психологических до социально-экономических и культурно-исторических; от внутринаучных методологических до философско-мировоззренческих» [Микешина 2007, 172].

Совокупность форм предпосылочного знания принято подразделять на два больших класса аксиологических оснований науки: концептуальные и доконцептуальные (иногда их называют

неконцептуальными). К концептуальным обычно относят философские категории и принципы в их методологической редакции, идеалы и нормы научного исследования, стили мышления и научные картины мира. Класс неконцептуальных ценностных предпосылок научного поиска включает в себя нормы «здравого смысла», интуитивные догадки и констатации относительно задач и целей познания, художественно-поэтические и моральные оценки его природы и специфики в конкретно-исторических условиях и социокультурных обстоятельствах того или иного общества. В этих глубинных неэксплицированных основаниях научного исследования часто содержится тот изначальный горизонт явлений, который Э. Гуссерль называл «жизненным миром» и в котором будто «схватываются» вербально неартикулированные установки деятельного сознания. В качестве одного из примеров таких неконцептуальных ценностных предпосылок науки можно указать метафору, методологическая роль которой в процедурах научного поиска нередко оказывается значимой и эвристически плодотворной [Теория метафоры 1990].

Тем не менее именно концептуальный уровень предпосылочного знания является принципиально значимым и, несомненно, доминирующим в реальной практике современных научных исследований. Он предполагает высокую степень категориально-методологической экспликации ценностных установок и исходных интуиций ученого в формах их логико-дискурсивной фиксации с последующей разработкой четких познавательных процедур и мыслительных схем. При этом особую роль выполняет метод рефлексии. Л.А. Микешина замечает: «В методологии науки рефлексия предстает как эпистемологическая или логико-теоретическая процедура выявления и осознания компонентов знания, в первую очередь его предпосылок, ценностей и оснований, оценка их конститутивных и регулятивных функций и возможностей. В результате скрытое, имплицитное содержание, подразумеваемое или, напротив, неосознаваемое, формулируется явно, из периферийного, “фонового” становится центральным объектом исследования, оценки и выбора» [Микешина 2007, 216].

Следует отметить, что, несмотря на наличие ряда вопросов относительно операциональной эффективности метода рефлексии, а также на языковую и функциональную специфику концептуальных и неконцептуальных предпосылок научного исследования, их жесткое разграничение существенно упрощает реальную прак-

тику научного поиска и требует более осторожных и взвешенных оценок. Нередко эти две формы предпосылочного знания тесно переплетаются и функционируют как синкретичные, взаимозаменяемые ансамбли. Об этом свидетельствует практика разработки и использования различных метатеоретических структур науки, активизировавшаяся в результате кризиса стандартной модели науки и ее замены постпозитивистскими версиями структуры и динамики научного познания.

«Парадигма» Т. Куна, «эпистемы» М. Фуко, «глубинные тематические структуры» Дж. Холтона, «концептуальные установки» Я. Хинтикки, «исследовательская традиция» Л. Лаудана и другие версии аксиологически размерных предпосылочных структур науки представляют собой образцы во многом метафорически выраженных и синкретичных конструктов, в содержании которых произвольно сочленяются концептуальные и неконцептуальные формы предпосылочного знания. Факт такой синкретичности в интерпретации содержания и функциональных особенностей метатеоретических оснований науки нельзя признать перспективным в контексте возможностей рационального объяснения единства контекстов психологии научного открытия и логики обоснования нового научного знания. Данная синкретичность затрудняет и решение такой важной методологической проблемы, как экспликация связей и опосредований между социальными ценностями и реальной практикой научных исследований. По мнению В.С. Степина, одной из причин этих трудностей является недостаточная структурная дифференциация основных компонентов теоретического знания и форм его взаимодействия с ценностным слоем культуры.

Представленная в работах В.С. Степина концепция метатеоретических оснований науки в значительной мере позволяет преодолеть эти трудности и предложить рационально обоснованную и методологически плодотворную модель интеграции аксиологических оснований культуры в содержание нормативных структур науки, а через них и в реальную практику научных исследований. В.С. Степин полагает, что «именно основания науки выступают, с одной стороны, компонентом внутренней структуры науки, а с другой – ее инфраструктурой, которая опосредует влияние на научное познание социокультурных факторов и включение научных знаний в культуру соответствующей исторической эпохи» [Степин 2000, 11].

Программа разработки и понятийно корректной фиксации метатеоретических оснований науки позволяет связать практику методологической рефлексии над наукой с использованием не только внутринаучных ценностей, но и социальных ценностей в процедурах научно-исследовательской деятельности. При этом следует четко понимать, что прежде всего это относится к особым периодам в жизни науки, которые квалифицируются как глобальные научные революции. Один из таких периодов связан с генезисом классической науки в XVI–XVII веках.

В сложном многообразии культурных и философских тенденций эпохи Возрождения можно вычленить ряд ценностных оснований, оказавших существенное влияние на процесс формирования и утверждения в культуре как самого образа науки, так и тех нормативных структур познания, которые стали своеобразными «предшественниками» будущих регулятивов и норм научного исследования. К таковым следует отнести: 1) установку на десакрализацию природы и культуры, распространение стандартов светской культуры и рациональных способов объяснения и понимания процессов и явлений объективной действительности; 2) формирование нового взгляда на сущность таких универсалий культуры, как движение, пространство, время, в связи с заменой представлений о статической гармонии мира на его динамическую картину; 3) распространение свободомыслия и инноваций как ценностных ориентиров личности, включенной в процессы познания и практики на основе новых целей и культурно-профессиональных норм деятельности; 4) возникновение и первичные формы институализации материально-производственной направленности познания, предполагающей замену схоластической его ориентации на практическое использование знаний.

Рациональная экспликация и философское обобщение данных ценностей эпохи Возрождения, соответствующая их конкретизация посредством перевода в язык методологических нормативов дают возможность обосновать значимый вывод о глубинной корреляции этих ценностей с содержательными и операциональными характеристиками классического стиля научного мышления [Зеленков 1981]. Становление и развитие не только классической, но и современной науки убедительно подтверждает тезис о значительном влиянии социальных ценностей на стратегию и тактику научных исследований, их взаимодействие с основными институтами постиндустриальных обществ. Новый образ

науки имплицитно сохраняет в своем содержании социальные приоритеты и ценности, которые детерминируют важнейшие мировоззренческие представления о природе, человеке, культуре. Сегодня классический тип взаимодействия человека с природной средой его обитания претерпевает радикальную трансформацию. Формируется новое видение природы, в котором на смену механистическим ее моделям приходят различные версии холистической ее интерпретации, холистическая парадигма [Ласло 2004, 163]. Эта идея целостного «организмического» истолкования природы приобретает в настоящее время универсальное значение и в формах экологического стиля мышления оказывает влияние и на науку, и на культуру в целом.

Столь же значительные, по сути, революционные трансформации происходят и в понимании процессов динамики природных и социальных систем. Они порождают феномен т.н. нелинейной эпохи, в которой порядок, стабильность, равновесие перестают играть роль доминантных ценностей. Напротив, в ней преобладают флуктуации, неустойчивость, неравновесность, бифуркационные развязки [Пригожин, Стенгерс 1986].

Еще об одной ценностной трансформации стоит упомянуть, если речь идет о формировании новой конфигурации норм и эталонов научного мышления. В классической картине мира человек наделялся функциями демиурга, властителя и потребителя природы, ее ресурсов и достояний. Среди важнейших его предназначений – перманентное преобразование природы и силовое воздействие на нее. Этот принцип неумеренного активизма имплицитно распространялся и на общество, а также межличностные отношения, причем не только в сфере материального производства, но и в формах духовного общения. В современной культуре происходит имеющая принципиальное значение мутация этой ценностной установки. Появляется и получает широкое распространение идея экзистенциальной ответственности человека за все происходящее в мире. Данная ценностная трансформация оформляется в т.н. «этике ненасилия», согласно которой принцип господства человека над природой и социальными процессами объявляется атавизмом и реликтом утратившей актуальность системы ценностей. Идеи этики ненасилия приобретают сегодня не просто актуальное звучание, они задают ценностные и нравственные приоритеты в развитии основных формообразований современной культуры. В качестве активной

восприемницы этих идей выступает и наука, для которой презумпция почтения к природе, а не бездумного ее преобразования, становится все более явственной и ощутимой. Согласно Э. Ласло, такая презумпция глубоко и органично укоренена в религиозно-философских учениях Востока. Следовательно, формирование нового образа науки и современного типа научной рациональности, по его мнению, предполагает освоение этого культурного наследия и ассимиляцию его ценностей и нравственных установок в научных сообществах западных стран. С ним солидарен и В.С. Степин: «Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур Востока и Запада» [Степин 2015, 24].

Таким образом, не только классическая наука, но и современные ее модификации испытывают на себе ощутимое воздействие тех социальных ценностей, которые определяют аксиологический строй соответствующей эпохи. Это означает, что тезис о принципиальной значимости аксиологической детерминации науки и ее философско-методологического инструментария получает еще одно важное подтверждение.

Заключение

Не так давно опубликован юбилейный доклад Римского клуба под названием «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet» [von Weizsäcker, Wijkman 2018]. Название и основная идея доклада представляются глубоко симптоматичными, поскольку в качестве этой идеи его авторы, Э. фон Вайцзеккер и А. Вийкман, провозглашают неизбежность коренной смены парадигмы развития современной цивилизации. Своеобразным рефреном доклада является следующий тезис: «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен». Этот радикальный вывод предполагает не менее радикальную трансформацию базовой системы ценностей, фундирующей глубинные устои современной техногенной цивилизации. Поскольку одним из приоритетов в существующей системе ценностей служит установка на перманентный научно-технический прогресс и сопряженный с ним всеобъемлющий рост производства и потребления, сакраментальным

становится вопрос о глубинных источниках и мотивациях роста. Очевидно, что одним из таких источников являются наука и ее взаимосвязи с ценностями культуры.

Предметом рассмотрения в данной статье является именно проблема аксиологического статуса современной науки как доминантного компонента в культуре постиндустриальных обществ. Причем из многомерного комплекса различных аспектов этой проблемы акцент сделан лишь на двух ее измерениях. Первое – сама наука и ее ценностный статус в культуре современного общества, которое в соответствии со ставшей популярной метафорой У. Бека трактуется как «общество риска». В рамках второго измерения доминантные ценности современного общества охарактеризованы как социокультурные детерминанты важнейших методологических программ и нормативных структур научного исследования. Инструментально и технологически значимым аспектом такой детерминации является вопрос о формах и механизмах взаимодействия социальных и когнитивных ценностей в процессе разработки и обоснования операционально значимых методологических принципов и нормативных структур, непосредственно влияющих на выбор целей, методов и средств научного исследования.

Проведенный в статье анализ обозначенной проблемы позволил обосновать несколько значимых выводов. Во-первых, аксиологический статус науки в культуре общества риска утрачивает былую однозначность и перестает играть роль безусловной позитивной ценности, гарантирующей не только непрерывное инновационное развитие, но и социальное одобрение такой цивилизационной стратегии. Сегодня под воздействием радикальных природных аномалий, возрастающей социальной нестабильности наука начинает рассматриваться и оцениваться в ее амбивалентной проекции. Аксиологическая неоднозначность в оценке науки и ее технологических приложений резко актуализирует роль и значение адекватных социокультурных экспертиз новых научных проектов и открытий. Во-вторых, становление аксиологии науки как перспективной философско-методологической программы исследования форм и механизмов социокультурной детерминации научного познания актуализировало вопрос о роли и взаимосвязи концептуальных и неконцептуальных предпосылок научного исследования. Как правило, неконцептуальные (доконцептуальные) формы предпосылочного знания даны в виде метафорически выра-

женных образных конструкций, в которых рационально обоснованная логика научного поиска дополняется, а зачастую и подменяется ее историческими и социально-психологическими детерминантами. Такая ориентация в разработке аксиологических оснований науки характерна для представителей постпозитивистской и феноменологической стратегий развития философии науки.

Более перспективной и методологически предпочтительной является разработанная в отечественной философии программа метатеоретических оснований науки, в которой эксплицированы операционально значимые механизмы взаимосвязи и взаимодействия социальных и когнитивных ценностей в процессе научного исследования. Дальнейшее развитие этой программы предполагает более дифференцированный анализ сферы когнитивных ценностей в аспекте их социально-конструктивистской интерпретации.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бауман 2002 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.

Бек 2000 – *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бехманн 2010 – *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. – М.: Логос, 2010.

Зеленков 1981 – *Зеленков А.И.* Идеалы науки и ценностная природа познания // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск: БГУ, 1981. С. 159–180.

Ласло 2004 – *Ласло Э.* Макродвиг: к устойчивости мира курсом перемен. – М.: Тайдекс Ко, 2004.

Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Микешина 2007 – *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. – М.: РОССПЭН, 2007.

Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.

Степин 2000 – *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Степин 2015 – *Степин В.С.* Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.

Теория метафоры 1990 – Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990.

Laudan 1984 – *Laudan L.* Science and Values. The Aims of Science and their Role in Scientific Debate. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984.

von Weizsäcker, Wijkman 2018 – von Weizsäcker E.U., Wijkman A. *Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome.* – New York: Springer, 2018.

Whitley 1974 – Whitley R. *Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialties and Research Areas // Social Process of Scientific Development / ed. by R. Whitley.* – London; Boston: Routledge & K. Paul, 1974.

REFERENCES

Arutyunova N.D. & Zhurinskaya M.A. (Eds.) (1990) *Metaphor Theory.* Moscow: Progress (in Russian).

Bauman Z. (2002) *The Individualized Society.* Moscow: Logos (Russian translation).

Bechmann G. (2010) *Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society.* Moscow: Logos (Russian translation).

Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity.* Moscow: Progress-Traditsiya (Russian translation).

László E. (2004) *Macroshift: Navigating the Transformation to a Sustainable World.* Moscow: Taydeks Co (Russian translation).

Laudan L. (1984) *Science and Values. The Aims of Science and their Role in Scientific Debate.* Berkeley: University of California Press.

Lyotard J.-F. (1998) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge.* Moscow: Institute of Experimental Sociology Press; Saint Petersburg: Aletheia (Russian translation).

Mikeshina L.A. (2007) *Epistemology of Values.* Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Prigogine I. & Stengers I. (1986) *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature.* Moscow: Progress (Russian translation).

Stepin V.S. (2000) *Theoretical Knowledge.* Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).

Stepin V.S. (2015) Historical Types of Scientific Rationality: Problems of Demarcation and Continuity. *Philosophy, Methodology, and History of Science: Scientific and Practical Journal.* Vol. 1, no. 1, pp. 6–27 (in Russian).

von Weizsäcker E.U. & Wijkman A. (2018) *Come on! Capitalism, Short-Termism, Population and the Destruction of the Planet: A Report to the Club of Rome.* New York: Springer.

Whitley R. (1974) Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialties and Research Areas. In: Whitley R. (Ed.) *Social Process of Scientific Development.* London: Routledge & K. Paul.

Zelenkov A.I. (1981) Ideals of Science and the Value Nature of Cognition. In: *Ideals and Norms of Scientific Research* (pp. 159–180). Minsk: Belarusian State University Press (in Russian).